

Затем, для каждой группы был посчитан обобщенный усредненный показатель расхождения «Ценность» и «Доступность». Чем выше значение этого показателя в баллах тем более дефицитна ценность, поскольку соответствующая потребность не удовлетворена или фрустрирована. Это и является содержательной стороной внутриличностного конфликта (ВК).

В группе 1 – значение показателя выше условного порога оказалось у пяти испытуемых. Содержательной стороной ВК выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении, извлечении, аккумуляции и расходовании жизненной энергии, равновесии в преобразовании жизненной энергии, ее внутренний баланс, внутренней связи, внутренней причинности, чувственности.

В группе 2 – значение показателя выше условного порога оказалось у одного испытуемого. Содержательной стороной ВК выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении расходовании накопленной жизненной энергии, в любых изменениях и различиях во внешнем мире (движении, действиях, агрессии, защите, внешних связях).

В группе 3 – значение показателя выше условного порога оказалось у одного испытуемого. Содержательной стороной конфликта выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении поиском информации, самоотдачей, поиском гармонии, поиском внешних и внутренних причин успеха, неудач.

В группе 4 – значение показателя выше условного порога оказалось у шести испытуемых. Содержательной стороной конфликта выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении адаптированностью, объект – объектным равновесием, балансом внутренних и внешних причин собственной активности, собственной активизацией, адекватным сдерживанием.

Выводы. На основе проведенного анализа и интерпретации результатов эмпирического исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Система жизненных ценностей является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере летного состава.

2. Испытуемые ЦС типа имеют более высокий уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере, нежели другие типы.

3. Уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере членов летного экипажа выше среднего значения может оказать негативное влияние на качество выполнения полета и предполетной подготовки.

4. При комплектовании состава экипажа, необходимо учитывать уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере.

Результаты исследования применимы в системе летной экспертизы, психологического отбора в авиацию, позволят производить дифференцированную диагностику индивидуального своеобразия личности летного состава, при формировании ПВК.

Список литературы: 1. Махарам Р. Типы людей. Взгляд из XXI века. – СПб.: Питер, 2006. – 224 с. 2. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001. – 128 с.

*Чубова В.Е.
г. Харьков, Украина*

**ПОНЯТИЕ ДОРОГИ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЛОВАРЯ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО И ПОЛЕВОГО СБОРА)**

Выдающийся филолог, сформировавшийся и работавший первую половину жизни в Харьковском университете, Измаил Иванович Срезневский заложил основы комплексного исследования славянских языков в сопряжении с их культурой и историей. Особую ценность имеют «Материалы для словаря древнерусского языка», подготовленные учёным уже в петербургский период. В этом фундаментальном словаре отразились не просто слова и фрагменты из древнерусских памятников письменности, но и план содержания, включающий собственно языковую семантику и широкий культурный фон, связанный как с христианством, так и с древними славянскими представлениями и верованиями.

Сопоставление данных словаря древнерусского языка, составленного И.И. Срезневским, с диалектными данными русских говоров, результатами этнолингвистических экспедиций, в частности, по Слобожанщине, позволяет выявить неочевидные связи в древней и современной культуре и языковой картине мира. Одним из центральных концептов древней славянской языковой и мифологической картины мира является концепт *ПУТЬ*. Поэтому представляется важным обратиться к рассмотрению семантической структуры слова *путь* в древнерусском языке по данным словаря И.И. Срезневского и в диалектологических, и в этнолингвистических материалах.

В марте – апреле 2010 г. были собраны сведения о культурных коннотациях и верованиях, связанных с дорогой и её частями, на основе этнолингвистической программы, разработанной нами с использованием этнографической литературы. Эти сведения частично отражены в наших публикациях (Чубова В.Е., «Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слобожанщины», 2011 г.; Чубова В.Е., «Фольклорные материалы как источник этнолингвистического изучения концептосферы *Дорога* на материале русских говоров Слобожанщины», 2011 г.; Чубова В.Е., «*Путь* в русской диалектной картине мира (на материале русских говоров Харьковщины)», 2011 г.). В данной работе представим часть сведений, которые соотносятся с материалами словаря И.И. Срезневского.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский фиксирует шесть метафорических значений лексемы *путь*: 1) направление, путь (с пометой «в образных выражениях»). *Истиньн сии пути Божии в истин учииши* (τῆν οδόν). (*Евангелие от Матвея*. XXII. 16. *Остромирово евангелие*). *Не ходим в путь книзьчийск фарисеиск. Ис. LXV. 18 толк. (Упыр. 154)*. *Дьвама бо суцема путьма в житии, о сих диному съмьреннью житию женитвьномуу глю, друоугоумоу же анльскоумоу и прьвеликому дьвства* (δύο γὰρ οὐδών). *Ефр. крм. л. 214. Обративый гръшника в заблужденья пути его спть дию в смрти и покреть множество гръховъ. (Слово о законе и благодати митрополита Иллариона. Сборник 1414 г. 74)*. *Тъм бо путе или дьди (въ подл. дьти) вци наши. Пис. Влад. Мон. 1096 г. Наставляйте ихъ (братию) к поутемъ спасенымъ. Грам. митр. Кипр. иг. Серг. теод. 1378 г.*; 2) время, бытие. Во фразеологизме *путь* имеет – длиться, быть: *Мца иоул во і день..., соуботь же имуци путь, заложси стену камени. (Ипатьевская летопись 6707 г)*; 3) обычай, правило: *А что попы и дияконы их един хлеб ядят и во едином дому живут, кого брат или сын, и тем по тому ж пути наше жалованье. Ярл. Узб. 1315 г. Как бы то было преж нас, так молвя и наше слово ставило по первому пути. т.ж. А митрополит правым путмъ ходит, да правым путем пребывает и тешитя. т.ж.*; 4) обстоятельство: *Буди со мною в всяком пути и не остави мене, Ги Исе Хе. Нест. Бор. Гл. 14.*; 5) повод, причина: *Приходиши Крымские Татарове...; и, пришед на великого князя украину около города Тулы, без пути начаша воевати. Соф. вр. 7025 г. (т. II. 303) [17: 3, 1739]*. Примечательно, что, перечисляя метафорические значения слова *путь*, И.И. Срезневский выводит значение *истинности, правиль-*

ности выбора на первый план, что наводит на мысль о сакральности, божественном предназначении, жизненной весомости *пути* в древнерусской культурно-концептуальной картине мира. И тогда становится понятным происхождение остальных пяти значений. Именно сакральная нагруженность пути даёт такие значения, как *бытие и время; обычай, правило; обстоятельство; повод, причина*. Значение *моральности, истинности выбора* сохранилось в современных русских диалектах на материковой зоне, в основном в составе фразеологизмов и в производных от *путь* (в костромских диалектах: *по плохой путе пойти* – вести беспечную, разгульную, бесшабашную жизнь; *сбиться с правильной пути*; в воронежских диалектах: *на путь находить* – исправляться [15: 33, 154]; *путный, путящий* [12: 3, 543], в архангельских, олонечких, новгородских и пермских диалектах: *путный* [15, там же] – порядочный, обладающий положительными качествами; *беспутный* – непорядочный, безнравственный, ненадёжный [12, там же]), а также в литературном русском языке: *направить* или *наставить (обратить)* кого-либо *на путь истины, пойти по ложному пути* [16: 657]. В литературном языке отобразилось и древнее отождествление *пути* с человеческой жизнью, в выражении *жизненный путь* [16, там же]. В исследованных нами русских сёлах Харьковщины Нововодолажского района Староверовка-1 и Охочее понимания *пути* как нравственного выбора нами не обнаружено. В остальных пяти метафорических значениях, представленных И.И. Срезневским, слово *путь* в лексике жителей данных сёл также не употребляется. Осмысление *пути, дороги* как течения времени сохранилось в русских диалектах в выражении *всю дорогу* [12: 1, 473; 13: 1, 199]. *Путь* в значении «причина» бытует в курских говорах: *чего ты без путя оскальешься?* [15: 33, 158–159].

А.Г. Преображенский отмечает, что слово *путь* восходит к санскритскому *pathas* «след, дорога, путь», а также к *pathyas* «спасительный, выгодный» [см.: 14: 876]. Это наталкивает на мысль, что, возможно, *путь* в значении *выгоды* и, кроме того, *жизненного выбора, моральности* (ведь в этом значении заложены христианские представления о *спасении души, нравственном спасении*) восходит ещё к древнеиндийской культуре. Известно, что в Ригведе номинация *path-* передаёт главным образом представление об «истинном» (праведном) ПУТИ, который ведёт к Богам и по которому следуют Боги (теснее всего с *path-* связаны боги Адитьи, охранявшие Вселенский закон; ср. эпитет богов *pathi-kri* – создающий пути), а также жизненном *пути* смертных. [см.: 1, 803; 2, 222]. Напрашивается вывод, что известный ещё древнеславянской реальности фразеологизм *пути Божию*, такие выражения, как *наставить (направить) на путь истинный, сбиться (совратиться) с пути истинного, путь правды*, такое значение слова *путь*, как «вся человеческая жизнь» (в выражении *жизненный путь*) восходит ещё к этим, древним, представлениям о ПУТИ, в родственной связи внутренней формы лексемы *путь* с санскритским корнем *path-*, имеющим глубокий сакральный смысл. Русское слово *путь* А.Г. Преображенский и М. Фасмер, кроме того, соотносят с зендским (древнеперсидским) *pantha* – спасительный, выгодный (на зендском языке, как известно, написаны священные тексты Авесты) [см.: Преображенский там же; Фасмер 2004, 3, 413]. С точки зрения М.М. Маковского, *путь* в мифологической модели мира означает *прохождение души умершего пути в загробный мир* [4, 274], то есть прямо ассоциируется со смертью, с переходом в запредельность. Данного значения лексемы *путь* нет в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, но указанные в них сведения о таких участках *пути*, как перекрёстки, наталкивают на мысль о некоторой связи последних в мировидении наших предков с иным измерением. В древнерусском языке мы находим слово *распутие* в трёх значениях, из которых первичное (и значит, основное) «перекрёсток, площадь». И.И. Срезневский приводит цитаты из «Остромирова Еванге-

лия» и «Повести временных лет»: *Любѣть на съборищахъ, и въ стѣгнахъ, и на распутиихъ стаще, молитися... <...> (Матвей VI, 5. Остромирово Евангелие); Полагахоу мрътвеца и сжигаху, и по семь собравше кости, въкладаху въ соу и поставляхоу на распутии на стлѣпѣ (Повесть временных лет) [17]. Напрашивается вывод, что в древнерусской языковой картине мира перекрёсток, выступает как место, на котором желательно молиться (следовательно, опасное место или место особой важности в сознании древних), а также как место захоронения останков после сожжения (что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что, в представлениях наших предков эта точка ПУТИ была связана со смертью). Возможно, народный обычай хоронить самоубийц и людей, умерших неестественной смертью, каким-то образом связан с традициями той эпохи? Слово *распутье* в значении «перекрёсток» в речи жителей исследованных нами сёл если и встречается, то крайне мало употребительно. Однако в сознании как жителей с. Староверовка-1, так и охочан, сохранилось отмеченное И.И. Срезневским древнее представление о перекрёстках как о местах особенных, характеризующихся наиболее сильной концентрацией негативной энергии и, как следствие, опасных для жизни. Это места обитания inferнальных сил (в с. Староверовка-1 распространено предание о ведьме, которая ночью бродит по дорогам и чаще всего бывает на перекрёстке, в связи с чем на данный перекрёсток строжайше запрещено наступать, иначе можно стать добычей ведьмы [см.: Чубова 2011-а, 268–274]). Именно здесь занимаются чёрной магией (Староверовка-1), а магия, по своей сути, является контактом с миром запредельным. Здесь избавляются от болезней, порчи, заговорённых предметов (Староверовка-1, Охочее). Бытующий в с. Охо-чее обычай знакомиться, искать свою пару именно на перекрёстке, на наш взгляд, является отголоском мифологического мышления, веры древнего человека в то, что силы, обитающие на этом перекрёстке, могут проявить благосклонность и помочь устроить свою судьбу, послать девушку, подходящую для создания семьи [см.: Чубова, там же]. В указанном поверье отражена значимость перекрёстка в архаическом осмыслении, понимание его как части мира потустороннего. Мы не находим в традиции исследованных нами сёл использования перекрёстков для погребения «нечистых покойников», но в народной традиции материковой зоны Т.Б. Щепанская фиксирует обычай хоронить выкидыши и некрещеных младенцев именно на перекрёстке [см.: 8]. О том, что до революции на Руси было принято предавать земле самоубийц и некрещеных на пересечении дорог отмечено в словаре В.И. Даля [см.: 12, 3, 61]. Исследования Е.Е. Левкиевской показали, что восприятие перекрёстка как места обитания различных демонических существ низшей иерархии, как зоны небытия, является не только общерусским, но и общеславянским [см.: 3], что свидетельствует о глубокой древности такого понимания этой части дороги. Данный вывод подтверждается исследованиями В.Н. Топорова, из которых явствует, что в архаической картине мира (не только общеславянской, но и индоевропейской) точки пересечения дорог являются «орудийным выражением неопределённости» [6, 80] и обязательно сулят опасность [см.: 6; 5, 352]. Таким образом, в первобытном мировоззрении перекрёстки трактовались как выходы в иное измерение, где могут не действовать или иначе действовать физические законы, останавливаться или смещаться время, происходить события, не подвластные человеческому пониманию.*

Составленный И.И. Срезневским словарь особо ценен тем, что даёт возможность ознакомиться с языком и культурой наших предков, создать некоторые представления о древнерусской модели мира. Сопоставление сведений о языковой и культурно-концептуальной картине мира жителей Харьковщины, полученных в результате наших исследований, со сведениями, предоставленными И.И. Срезневским (и, следовательно, насколько

ко возможно, сопоставление двух эпох: древней русской и современной народной) позволяет выявить реликт архаического мировоззрения. Многие из того, что учёные реконструируют в праиндоевропейском периоде в значительной мере сохраняется в современных говорах и в современных культурах. Благодаря Словарю И.И. Срезневского, мы можем выстроить сквозную линию от праиндоевропейского состояния через древнерусский этап до современного русского народного языка и культуры.

Список литературы: 1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. редактор Ю.Д. Апресян – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 798–805. 2. Иванов Вяч. Вс. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – М.: Знак, 2009. – 376 с. – (язык, семиотика, культура). 3. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах под общей редакцией Н.И. Толстого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 124–129. 4. Маковский М.М. Путь // Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – Магадан, 2008. – 416 с. – С. 274. 5. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 340–342. 6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 352–353. 7. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 352–353. 8. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с. 9. Чубова В.Е. Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слобожанщины // Культурна спадщина Слобожанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток. Збірка науково-популярних статей. – Х.: Курсор, 2011. – Випуск 24. – 329 с., 49 іл., С. 268–274. 10. Чубова В.Е. Фольклорные материалы как источник этнолингвистического изучения концептосферы ДОРОГА (на материале русских говоров Слобожанщины) // Пам'яткознавчі погляди молодих вчених XXI ст. Збірка наукових статей з пам'яткоохоронної роботи. – Харків: Курсор, 2011. – Випуск 2. – 340 с., 88 іл., С. 278–287. 11. Чубова В.Е. Путь в русской диалектной картине мира (на материале русских говоров Харьковщины) // Русский язык за пределами России: лингвистические и социально-педагогические аспекты преподавания и изучения в Украине и других странах. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Харьков, 2011. – Выпуск 6. – С. 390–391. *Словари:* 12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз. – Медиа. – 2003, Т. 1, Т. 3. 13. Полный словарь сибирского говора / глав. ред. О.И. Блинова – Томск: Издательство Томского университета, 1991. – Т. 1. 14. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: 1979, Т. 2. 15. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – вып. 33. 16. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. 17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 3. 18. Резневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1983, Т. 1–3.